

Г. Б. Корнетов

АНТРОПОЛОГО- ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА X-XI ВЕКОВ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ

УДК 81.24+37.017.93

ББК 81.2

Начало восприятия восточными славянами христианства было сопряжено с освоением церковных текстов, написанных на старославянском языке. Обращение к антрополого-педагогическому содержанию старославянского языка X—XI вв. позволяет хотя бы частично реконструировать то ощущение педагогической реальности, то ее восприятие, которое было присуще христианам рассматриваемой эпохи и которое стало значительным фактором формирования отечественной православной педагогической культуры первых столетий истории русского государства, возникшего, по мнению ряда исследователей, в конце IX в. Таким образом, появляется возможность попытаться наполнить реальным содержанием то единое смысловое пространство, которое объединяло и повседневную педагогическую практику отдельного человека, и ее интеллектуальную рефлексию, и бессознательную память социального коллектива.

Ключевые слова: старославянский язык; христианизация южных и восточных славян в IX—XI вв.; антрополого-педагогическое содержание старославянского языка.

G.B. Kornetov

ANTHROPOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONTENT OF THE OLD SLAVONIC LANGUAGE IN THE X-XIth CENTURIES IN THE CONTEXT OF ORTHODOX TRADITION

The article analyses anthropological and pedagogical content of the old Slavonic language. The beginning of Christianity perception by the Eastern Slavs was associated with the development of religious texts written in the Old Church Slavonic language. Appeal to the anthropological and pedagogical content of the Slavonic language of the X-XIth centuries enables to reconstruct the feeling of pedagogical reality, the perception that was inherent in the

Christians of that period, and which has become the significant factor in the formation of national Orthodox pedagogical culture of the first centuries in the history of the Russian state. According to some researchers, it emerged at the end of the IXth century. Thus, it is possible to give the real meaning to a single semantic space that unites everyday teaching practice and the individual, and its intellectual reflection, and unconscious memory of the social collective.

Keywords: Old Church Slavonic language; Christianization of southern and eastern Slavs in the IX-Xth centuries, anthropological and pedagogical content of the Old Church Slavonic language.

Стремление познать историю развития отечественного образования и педагогической мысли обращает нас к рассмотрению их истоков, тех точек роста, которые стали исходными в становлении и последующей эволюции российских педагогических традиций. Данные о дописьменной педагогической истории восточных славян и тем более их древнейших предков в связи с явным дефицитом источников являются более чем фрагментарными, хотя и позволяют гипотетически реконструировать эту историю в самых общих чертах [4. С. 23–27].

На качественно новом уровне обращение к истокам отечественной педагогической культуры становится возможным благодаря появлению корпуса письменных источников. Их анализ, их историко-педагогическая интерпретация возможны на основе различных методологических установок и исследовательских методик, которые, в конечном счете, дополняют и обогащают друг друга.

Одно из важных направлений историко-педагогических исследований связано с изучением становления понятийно-терминологического аппарата отечественной педагогики. По справедливому замечанию О. Е. Кошелевой, рассматривающей совре-

менные проблемы историко-педагогической науки, сегодня рассмотрение понятий «в их исторической ретроспективе, или, иначе говоря, изучение того, откуда и как возникло понятие и как оно в дальнейшем изменилось, какую роль играло в формировании культурных и социальных практик, стало необходимым элементом научного исследования» [6. С. 41–47].

В последние годы появились интересные работы А. Н. Рыжова, в которых автор обстоятельно и системно рассматривает генезис отечественных педагогических понятий, начиная с XI в. [9. С. 217–236] В этих работах А. Н. Рыжов обосновывает точку зрения, согласно которой «становление русской педагогической терминологии относится к периоду XI–XIII вв., когда славянские княжества получили письменность и сложившуюся за тысячелетие до этого христианскую систему ценностей, а вместе с ней систему терминов и понятий, имевших конкретную содержательную нагрузку» [7. С. 20].

Христианство пришло к восточным славянам в форме православия вместе со старославянским языком и созданным на его основе письменностью. В начале 60-х гг. IX в. правитель Великой Моравии (славянского госу-

дарства, находившегося на Среднем Дунае) князь Ростислав (846—870), стремившийся обрести независимость от Священной Римской империи, обратился к византийскому императору Михаилу III (842—867) с просьбой прислать в Моравию священнослужителей, способных проповедовать христианство на родном для местного населения славянском языке, а также заложить основы собственного церковного управления. В 863 г. Моравию из Византии была послана миссия, которую возглавили уроженцы г. Фессалоники (Солунь) греки по национальности братья *Методий* (в миру Михаил, 815—885) и *Кирилл* (в миру Константин, 827—869).

Солунские братья, люди высокообразованные, имевшие опыт миссионерства среди славянских народов, активно занялись просветительской деятельностью и церковным строительством в Великой Моравии. У местных жителей отсутствовала собственная письменность. Кирилл, хорошо владевший древнеболгарским диалектом славянского языка, а также знакомый с другими славянскими диалектами, которые в IX в. мало различались между собой, будучи территориальными разновидностями одного языка, для перевода церковных книг создал *старославянский язык*. В старославянском языке наряду с собственной славянской лексикой отразилась лексика античная, а также лексика ближневосточная. Огромное влияние на старославянский язык оказали хорошо известные солунским братьям византийские религиозные, философские, этические, эстетические,

политические традиции, неразрывно связанные как с христианством, так и с античным, прежде всего древнегреческим наследием. Для записи текстов на старославянском языке на основе латинского алфавита Кирилл создал славянскую азбуку *глаголицу*.

В 867 г. миссионерскую деятельность Кирилла и Мефодия поддержал римский папа, а старославянский язык стал официально признанным литературным языком славян. На основе старославянского языка возникли различные диалекты церковнославянского языка (в том числе и так называемый древнерусский извод), на которых велось богослужение в ряде православных стран, в том числе, и на Руси по мере ее христианизации. Позднее была создана *кириллица*, отличающаяся от глаголицы тем, что основывалась на начертаниях букв греческого уставного письма. Наряду с глаголицей она стала вариантом старославянской азбуки. Кириллица была использована в некоторых государствах как алфавит старославянского и церковнославянского языков, а также для создания алфавитов ряда славянских языков — русского, белорусского, болгарского, македонского, русинского, сербского, украинского, черногорского. Вероятным создателем кириллицы считается ученик солунских братьев равноапостольный Климент Охридский (840—916), болгарский и всеславянский просветитель. Согласно другой версии создателями кириллицы признаются Кирилл и Мефодий.

Солунские братья были канонизированы как святые, почитаемые и ка-

толической и православной церковью. В славянском православии они почитаются как святые равноапостольные «учители словенские». Кирилл и Мефодий переводили на старославянский язык богослужебные книги, проповедовали христианство в различных славянских государствах, в частности, в Болгарии. Под их влиянием правитель Болгарии Борис I (852–889) в 864 г. принял крещение и официальный титул князя, а в 865 г. объявил христианство государственной религией. Борис и его приемники на болгарском престоле способствовали распространению христианства в других славянских землях. В Болгарии была создана староболгарская азбука, основанная на кириллице.

В 886 г. в Болгарию из Великой Моравии прибыли изгнанные под влиянием немецкого католического духовенства ученики Кирилла и Мефодия. В том же году в столице первого Болгарского царства Плиске по повелению Бориса I **учеником Кирилла и Мефодия Наумом (830–910)** была создана Преславская книжная школа, ставшая первой в истории славянской книжной школой. В 893 г. Симеон I Великий, правивший Болгарией в 893–927 гг. и признанный в 913 г. Византией царем и императором болгар, перенес основную деятельность школы в новую столицу Болгарии город Великий Преслав. При Симеоне I в 918 г. **Болгарская православная церковь** стала самостоятельной, возглавляемой патриархом, который освятил царский титул Симеона. В конце IX–X в. Преславская книжная школа являлась

главным культурным и литературным центром Первого Болгарского царства и многих славянских народов. В ней на старославянский язык переводились церковные христианские тексты, обучались ученики, создавались оригинальные литературные произведения. В 972 г. школа была сожжена войсками византийского императора Иоанна I Цимисхия (969–976).

В X в. старославянский язык начинает проникать на территорию восточных славян, предков русских, украинцев и белорусов. Общим предком русского, белорусского и украинского языков был древнерусский язык — язык восточных славян примерно VI–XIV вв. **С XI в. начинается письменный период древнерусского языка**, относительно стандартизированная форма которого использовалась в основном для юридически документов. Однако большинство религиозных, летописных, литературных текстов писалось на церковнославянском языке (древнерусском изводе старославянского языка). Древнерусский язык продолжал оставаться разговорным языком живого общения. Вместе с тем, русский и церковнославянский языки не были изолированы друг от друга, а взаимодействовали на протяжении всей своей истории.

В 988 г. киевский князь Владимир Святославович (978–1015) объявил православное христианство, проникновение которого на Русь началось еще в предшествующим столетии, официальной религией Древнерусского государства. Священные книги, написанные кириллицей на старославянском языке, пришли на Русь из

Болгарии, которая в **X в. являлась** главным центром распространения славянской письменности и православия у славянских народов, в том числе и у восточных славян. С середины **X в.** восточные славяне все более активно использовали кириллицу, которая и была положена в основу используемых ими алфавитов. Став языком русской православной церкви, старославянский язык испытал на себе влияние древнерусского языка, включив в себя многие элементы живой восточнославянской речи.

Вопрос о существовании в дохристианской период «русских письмен», так называемых «черт и резов», остается до конца не проясненным. В современной литературе отмечается, что «у древнеславянских народов существовали зачатки письменности, сохранились упоминания о “чертах и резах” до сих пор непонятной и даже не идентифицированной точно системе записи. Существуют упоминания иностранцев о “русских письменах”» [2. С. 37].

Начало восприятия восточными славянами христианства было сопряжено с освоением церковных текстов, написанных на старославянском языке. Именно старославянский язык нес в себе ту систему терминов и понятий, которые организовывал восприятие педагогической реальности в рамках христианской картины мира. Христианству была изначально присуща основополагающая педагогическая идея неограниченной воспитуемости человека, возможности его перевоспитать, как бы пересоздав его изнутри, привести к желаемому

образу, в основе которого лежал образ Бога. Эта идея пронизывала все христианская вероучение с момента его возникновения, превращая христианство по самой своей сути в учение педагогическое, при том, что сама педагогика в отдельную дисциплину не выделялась, насыщая собой христианскую мысль, христианскую литературу в целом. В христианских текстах определялись идеалы и цели педагогической деятельности, ее субъекты и их взаимоотношения, пути, способы, средства, формы, содержание, институты воспитания и обучения. Педагогическая идеология христианства порождала религиозные традиции и практики воспитания и обучения, сосуществовавшие в сложном симбиозе с традициями и практиками народной педагогики, профессионального обучения, сословного воспитания, которые в условиях средневекового христианского мира в свою очередь тяготели к христианским основаниям, но отнюдь не сводились только и исключительно к ним.

К сожалению, в упоминавшихся выше работах А. Н. Рыжова отсутствует системный лингвистический анализ педагогической терминологии исходных форм старославянского языка. Восполнить этот пробел позволяет монографическое исследование Т. И. Вендиной «Средневековый человек в зеркале старославянского языка» [1], в котором автор, опираясь на корпус древнейших памятников старославянской письменности **X–XI вв., а также** на материалы «Старославянского словаря» [10] и ряда других тематических изданий, рассматривает различные

аспекты жизни людей того времени, их мировосприятие на основе анализа старославянских слов.

Обращение к антрополого-педагогическому содержанию старославянского языка **X—XI вв. позволяет** хотя бы частично реконструировать то ощущение педагогической реальности, то ее восприятие, которое было присуще христианам рассматриваемой эпохи и которое стало значительным фактором формирования отечественной православной педагогической культуры первых столетий истории русского государства, возникшего, по мнению ряда исследователей, в конце IX в. [5. С. 14—24]. Таким образом, появляется возможность, попытаться наполнить реальным содержанием то единое смысловое пространство, которое объединяло и повседневную педагогическую практику отдельного человека, и ее интеллектуальную рефлексию, и бессознательную память социального коллектива.

Старославянский язык изначально возник и существовал как язык сакральный, связанный с совершенно определенным типом культуры, религиозной, православно-христианской по самой своей сути, что определяло его смысловые ограничения и тематическую однородность.

Весь лексикон старославянского языка был организован вокруг человека, согласно христианскому вероучению, сотворенного Богом по своему образу и подобию и поставленному Творцом в центр мироздания. Само развитие человека, его нравственное становление понималось как движение к Богу, уподобление образу

Бога — *богообразън* (богоподобный). Понятие подобия входило в понятие образа — *подобление* (образ, подобие), *подобьствие* (образ, вид, подобие). Образ Бога представлял прообразом и образцом сотворенного им человека — *образ* (прообраз, образец, пример), *собразън* (похожий, подобный). В то же время образы являются символами веры — *образ* (символ, знак, знамение). Образ указывал на действие и способ совершения действия — *образ* (способ, образ), *образити* (создать, уподобить), *вобразити* (уподобить), *вобразити ся* (уподобляться, следовать образцу).

Бог в старославянском языке — *вседержитель* (вседержитель), *всевладыка* (властитель всего), *здатель* (создатель), *сзатель* (создатель, творец), *родотвори* (творец), *животвори* (тот, который дает жизнь, животворящий), *животвора* (животворящий).

«Человек» в старославянском языке мог обозначаться тремя словами — *человек* (человек, слуга, служитель), *муж* (мужчина, человек, солдат, муж), *плътн* (человек). Два первых существительных указывают на земные функции человека, а последнее (прилагательное от *плоть* в значение существительного) — на него, как на существо физическое.

Человек воспринимался, во-первых, как существо плотское, а потому смертное. Человек как физическое существо характеризовался, в частности, через указание на его возрастные признаки — *детищ* (ребенок), *младенищ* (младенец), *отрокищ* (мальчик, дитя, отрок), *отрокища* (де-

вочка-подросток), *девица* (девушка), *юнота* (юноша), *старица* (старая женщина, старуха), *старец* (старый человек, старик). Жизнь человека имела четыре временных отрезка — *младенчество* (младенчество), *отрочина* (детство), *юность* (юность, молодость), *старость* (старость). При этом существовало несколько существительных для обозначающих раннее детство возраст, когда человек воспринимался как невинное существо, — *дитище* (ребенок), *отроча* (ребенок, дитя), *чадце* (дитя), *кормленник* (грудной ребенок), *малы* (дитя), *младенци* (младенец), *младенц* (младенец). Во многом благодаря словам Иисуса, обращенным к своим ученикам: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в царство небесное» (Мф. 18:2), образ безгрешного *дитяти* утвердился как норма человеческого существования.

Во-вторых, человек воспринимался как существо социальное, относящееся к одной из четырех общественных групп — «властвующих и управляющих», «сражающихся», «молящихся», «трудящихся». Среди профессиональных групп выделялись группы, имеющие отношение к педагогической деятельности — *казатель* (наставник), *наставник* (руководитель, наставник), *пестун* (воспитатель, наставник), *учитель* (учитель, наставник). Человек рассматривался также и в системе семейных отношений, и как представитель этнической группы, и в логике других аспектов социальной жизни.

И, в-третьих, человек также, и

прежде всего, воспринимался как существо, наделенное бессмертной душой, предназначением которого является служение Господу. Человек, как существо духовное, рассматривался в отношении к Богу с точки зрения праведности и греховности, набожности и благочестия, его нравственности, добродетелей и пороков. Выделялась лексическая группа, характеризующая человека с точки зрения его отношения к знаниям, его мудрости — *книжник* (книжник, знаток законов), *некнижник* (неученый человек), *мудр* и *премудр* (мудрец), *хитрец* (знаток, мудрец), *словолюбец* (книжник, любитель письменного слова).

В своем предельном выражении идеальный образ человека, представляющий в памятниках старославянской письменности, это святой праведник, учащий жить во Христе и дающий образец такой жизни. Идеальный человек характеризовался следующими прилагательными: *благообразен* (добропорядочный, почтенный), *богочестив* (чтущий бога), *богомудростен* (мудрый как бог), *богоносив* (носящий в себе бога), *доброговен* (набожный, благочестивый), *благодетелив* (делающий добро), *доброразумив* (очень сведущий, знающий), *поучалив* (поучающий), *богообразен* (богоподобен). Многие из приведенных словообразований свидетельствуют о том, что образ идеального человека уподоблен Богу, по образу и подобию которого, согласно христианской традиции, и был сотворен.

В старославянском языке человек являет собой единство, во-первых, плоти, то есть физического тела,

во-вторых, вечного и несотворимого духа и, в-третьих, сотворенной Богом души. Плоть представлялась временным пристанищем души, вдыхаемый Богом в человека, который, умирая, испускает дух — *вдоныати* (вдохнуть), *издыхати* (испускать дух, умирать), *без духа* (мертвый, бездыханный), *предати души* (испустить дух, умереть). Душа связывала человека с Богом, и божественная благодать обеспечивает ему душевное спокойствие — *благодущие* (душевное спокойствие). Душа связывалась с сердцем, которое считалось средоточием переживаний и чувств человека — *срьдчън* (сердечный, душевный), *сърдце* (сердце, сердце как средоточие чувств, переживаний), *обсърдование* (сердечность, расположенность), *милосърдние* (сострадание, милосердие). Дух связывался с разумом человека, с его мыслью — *мыслън* (мыслящий, разумный, духовный), *смыслън* (наделенный разумом, духовный).

Глаголы в старославянском языке дают исчерпывающую характеристику интеллектуальных действий человека, его мыслительной деятельности. Думать для человека, значит мыслить, размышлять — *мыслити* (думать, мылить, размышлять), *размыслити* (обдумать, поразмыслить), *мудровати* (думать, размышлять, рассуждать). Думая, человек воспринимает и понимает мир — *домыслити* ся (понять), *недомыслити* (не понимать), *умыслити* (понять, осознать). Именно мысль побуждала волю и порождала желание — *помыслити* (подумать, обдумать, замыслить, задумать, захотеть).

Мысль представлялась существующей вне человека. Для понимания чего-либо мысль надо было принять извне, «вместить в себя» — *приняти* (понять), *вместити* ся (понять), *вмещати* (понимать). Мысль надо было сделать частью внутреннего мира и таким образом прийти к истинному знанию, и к истинному пониманию — *сведети* (знать, понимать), и пробудить совесть — *сведь* (совесть), *свесть* (сознание, мысль и совесть).

Старославянский язык ориентировал человека на то, чтобы он учился думать, размышлять, рассуждать — *поучати* (размышлять, рассуждать), *поучити* ся (обдумать, рассудить), *поучити* (научить). Таким образом, человек обретал способность обдумывать свои жизненные планы — *мыслити* (намереваться, замышлять), *размышляти* (обдумывать, размышлять), *помышляти* (задумывать, желать), *примыслить* (придумать, изобрести), *створити* (выдумать).

Высшая мудрость приписывалась Богу, а истинная вера рассматривалась как *вера премудрости*; она требовала постижения Бога — *богопознание* (познание бога), *богоразумие* (познание бога). Сама «мудрость» воспринималась через отношения — Богу — *богомудростън* (мудрый как бог), *богомудр* (божественно мудрый). В старославянском языке мудрость — это, во-первых, разум, острый ум, интеллект — *разум* (мудрость, разум, ум, интеллект), *смысл* (мудрость, разум, рассудок, ум), *хытрость* (остроумие, мудрость); во-вторых, рассудительность — *мудръство* (мудрость,

рассудительность); в-третьих, знания — *мудрость* (мудрость, знания, наука, учение), *доброразумив* (очень сведущий, знающий); в-четвертых, умение и мастерство — *хытрость* (искусность, мастерство, умение, мудрость, выдумка, замысел); в-пятых, хитрость и коварство — *художество* (мудрость, хитрость, коварство). Таким образом, мудрый человек — это, прежде всего, человек в своих знаниях подобный Богу, человек ученый, обладающий знаниями и рассудительностью, умелый и хитрый.

В старославянском языке разум и Бог — это «слово». Переводя с греческого на славянский первую строку Евангелия от Иоанна, Кирилл и Мефодий перевели «логос» как «слово». В церковнославянском варианте Нового завета эта фраза звучит: «Въ началѣ бѣ слово и слово бѣ къ Богу и Бог бѣ слово», а в синодальном переводе Библии: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1). Таким образом, в старославянском «слово» — *слово* (разум, проповедь, заповедь, поучение, Священное писание). Разум это не только ум, это еще и мысль — *смысл* (разум, рассудок, ум, образ мыслей, мудрость, замысел, намерение, цель, значение, смысл), *размыслан* (разум). При этом «разум» и «ум» во многом вмещали друг друга — *разум* (разум, ум, интеллект, мудрость, понимание, постижение, осознание, мышление, мысль, смысл), а *ум* (мысль, помыслы, и разум, рассудок, образ мыслей).

Старославянский язык отражал движение к пониманию через овла-

дение знанием — умыслить (понять, осознать) и фиксировал различие знания чувственного и сверхчувственного. Познание мира человеком начиналось с его чувственного восприятия — *чувствовати* (ощущать, сознавать), *чутти* (осознавать, замечать и воспринимать), *видети* (знать), *знати* (знать и видеть), *смотри-ти* (узнать, осознать). Лишь затем результаты чувственного восприятия становились достоянием разума — *поразумети* (понять, уразуметь), *разумети* (понять, постигать и почувствовать, осознать), *разумевати* (понимать, постигать), *умети* (мочь, быть в состоянии и знать).

В старославянском языке понятие «знание», которым обладал человек, передавалось глаголами *видети*, *знати*, *умети*, а также их производными. Сверхчувственное знание, имевшее божественный характер, передавалось глаголами с корнем *вед-*, которые имели значение предвидеть, предугадать — *ведети* (предвидеть), *проуведети* (предугадать, предвидеть). Корень *вед-* отсылает к знанию, учению, сознанию — *ведь* (знание, познание), *поведь* (учение, наука), *свесть* (сознание, мысль и совесть).

Глаголы, выражающие действия, связанные с получением знаний, свидетельствуют о том, что в старославянском языке различались понятия «учить» и «учиться». Понятие «учиться» — *учити ся* (учиться, быть учеником) связывалось с желанием учиться, с волевым импульсом, с поиском знаний — *взискати* (изучать и захотеть, пожелать), со стремлением познать, постичь окружающий мир

— *навьякняти* (научиться и познать, понять).

Учить — это, во-первых, *наставлять* — *научати* (учить, наставлять), *научити* (научить, наставить), *поучати* (поучать, наставить), *ставлати* (наставлять, поучать), *учити* (учить, наставлять). И, во-вторых, утешать и ободрять в учении — *утешати* (поучать, наставлять, утешать, ободрять).

Воспитание старославянский язык связывает с вскармливанием человека духовной пищей — *питати* (воспитывать), *вспитети* (воспитать). Также воспитать означало вывести человека в люди — *взводити* (воспитывать). Наставник наставлял, показывал путь, дорогу к знанию — *наставити* (показать путь, научить), *наставляти* (показывать путь, учить), *навесити* (направить).

Обучать — это, во-первых, конечно же, учить читать, писать, считать — *чисти*, *писати*, *ищитати*. Во-вторых, обучать — это наставлять, вразумлять, давать образец для подражания — *проображати* (показывать, представлять), *прообразити* (показать, представить). В-третьих, обучать — это показывать истинный путь — *учити* (показывать), *поведети* (показать), *авити* (сделать явным, показать), *обавити* (явить, показать), *показати* (оказать), *указати* (указать, показать). В-четвертых, обучать — это побуждать к совершенствованию — *учити* (побуждать), *свршати ся* (совершенствоваться), помогать раскрывать в себе образ Божий. Именно поэтому *правити* (верно преподавать) — это

обучая, направить человека к спасению его души.

Истинный путь жизни человека, путь спасения его души, то, к чему прежде всего должно было обратиться человека обучение в старославянском языке, связывалось со значением уподобления, следования образцу. Этим высшим образцом был Бог, и человек, неся в себе его образ, становился причастным Богу, подражал ему, стремясь посредством подражания достичь высшего блага, которым и был Бог. Обучение оказывалось подражанием, уподоблением Богу, стремлением воспроизвести в себе его образ, тот образ, по подобию которого человек и был создан Творцом — *воображати ся* (уподобляться, следовать образцу), *подобити ся* (уподобляться, быть подобным), *приподобити ся* (уподобиться), *уподобити ся* (уподобиться, стать подобным), *уподобляти ся* (уподобляться, становится подобным), *подражати* (подражать), *приложити ся* (уподобиться).

В старославянском языке отразилась идея обучения и воспитания человека на основе питания его души, подражания святым праведникам, следованию установленным образцам, стремлению к уподоблению образу Творца — *образити* (создать, уподобить), *образити* (образовать, создать), *творити* (делать кого- или что-либо каким-либо), *створити* (превратить, сделать кого-либо кем-либо, что-либо чем-либо).

Образ учителя, наставника оказывался неразрывно связан с образом Христа — учителя, наставника, пастыря, несущего свет знания, — *све-*

титель (несущий свет), *просветити* (прояснить и открыть, выявить), *навести* (направить, навести), *наведи мя господи на путь твои*, *обавити* (явить, открыть и проявить, показать), *учитель* (учитель, наставник), *учити* (наставлять, учить), *пастух* (пастырь).

Для христианина благая жизнь — это земной путь к спасению, путь движения к Богу, который и «есть Добро»¹. Поэтому христианин, прежде всего, должен чтить Бога. В старославянском языке он *доброчестив* (набожный). «Добро» в старославянском языке есть «благо» — *благо* (добро), *благодать* (доброта, милость), *благыни* (добро, доброта), *добр* (хороший, добрый), *доброчестие* (благочестие, надежность), *доброчестен* (благочестивый, набожный). Однако благо исходило от Бога — *благодеть* (благодетель, добро), *благодать* (милость, доброта). Бог есть Благо. В отношении «добра» человек в старославянском языке занимал активную позицию. Он постигал добро разумом (*доброразумив*), принимал его (*добронимати*). Благо лежало в основе веры человека в Бога (*благоверие*), жившей в его душе и определявшей его душевную спокойствие (*благоверие*). Благо исходило от Бога. Оно изволялось (*благоизволение*) и дарилось (*благословение*) человеку Богом.

Человек должен стремиться быть добрым, т. е. совершать благие де-

яния. Добро это есть «благое деяние» — *добротворити* (делать добро), *доброедя* (делающий добро), *доброедеяние* (добрые дела, добродетель), *добродетельн* (добродетельный), *доброедян* (добродетельный), *добрость* (добродетель), *доброта* (добродетель). Также Добро — это разум, знания — *доброразумив* (очень сведущий, знающий), это смелость — *дрозость* (смелость). И, наконец, добро — это стремление следовать принятым нормам, образцам, правилам поведения — *добробразен* (добропорядочный), *образ* (пример, образец).

Добродетель понималась как сознательное изволение человеком добра и блага — *благоизволение* (добродетель), *благодеть* (добродетель), *добрость* (добродетель), *доброта* (добродетель). Добродетель оказывалась путем, движением, приближением к Богу через добро и благо, ибо предельным добром и благом был сам Бог. Добродетель сопрягалась, во-первых, с верой и набожностью человека — *доброчесть* (добродетель), *доброчестие* (набожность); во-вторых, с благими делами человека — *доброедеяние* (добрые дела, добродетель); в-третьих, с чистотой человеческой души и помыслов — *чистота* (непорочность, чистота), *чистотсть* (непорочность, чистота), *чист* (непорочный и безгрешный).

Подводя итоги проведенному анализу антрополого-педагогическому содержанию старославянского

¹ Дионисий Ареопаз. О божественных именах. Гл. 4. Об именах «Добро», «Свет», «Красота», «Любовь», «Экстаз», «Рвение», о том, что зла не существует, что оно не от Сущего и не в числе сущих // <http://hesychasm.ru/library/dar/tname.htm#gl4>

языка X—XI вв., **следует обратить** внимание на то, что в ряду основополагающих педагогических понятий отсутствует понятие *образование*. Это противоречит точке зрения А. Н. Рыжова, утверждающего, что «центральное место в системе педагогических понятий с XI в. занимал термин “образование”» [8. С. 18]. Словарный состав старославянского языка вполне обоснованно позволяет предположить, что в сознании людей того времени существовала идея необходимости стремиться к уподоблению образу *Божью*. Несомненно, что эта идея имела педагогическое значение, так как не могла не повлиять на содержание образовательного идеала христианина средневековой эпохи, когда сознание человека было религиозным. Однако само понятие *образование* отсутствует. Кстати, О. Е. Кошелева обращает на «некорректность его применение по отношению к Древней Руси» [6. С. 45].

К числу важнейших педагогических понятий старославянского языка, вероятно, следует отнести аналоги слов *учить, обучать, учиться*. Эти слова связаны с осуществлением организации процесса передачи и получения знаний. Изначально сакральный характер старославянского языка проявился, в частности, в том, что истинное, высшее религиозное знание в определенном смысле отождествлялось с мудростью, трактовалось как

основа постижения мира, его осознания и понимания. Обучение направляло человека к спасению его души. Именно на такое обучение, на обучение, стремящееся к уподоблению человека Богу, делался особый упор. В этом контексте становится понятной и связь в старославянском языке значения слова *воспитание* с вскармливанием человека, его души духовной пищей. И то особое значение, которое в Древней Руси предавали *учению книжному*, воспринимая книгу, являющуюся источником священного знания, как школу, о чем убедительно пишет М. С. Киселева в разделе «Образовательный контекст: книга как школа» своей монографии «Учение книжное: текст и контекст древнерусской книжности» [3].

Следует признать, что в старославянском языке существовала интенция к тому, чтобы воспринимать обучение и воспитание человека как движение к установленному *образу*, в основе которого лежит *образ* Бога. Это открывало перспективу для формирования в будущем педагогического понятия *образование*. Признавая это обстоятельство, следует иметь в виду, что само слово *образование*, даже если его рассматривать только и исключительно в педагогическом контексте, имело и имеет различные трактовки даже в рамках отечественной педагогической культуры.

Список литературы

1. Вендина, Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т. И. Вендина. — М. : Индрик, 2002. — 336 с.
2. Древнерусское государство IX—XVII вв. / под ред. В. В. Гуляевой. — М. : Академический проект, 2006. — С. 37.
3. Киселева, М. С. Учение книжное: текст и контекст древнерусской книжности / М. С. Киселева — М. : Индрик, 2000. — 254 с.
4. Корнетов, Г. Б. Воспитание у восточных славян в VI—IX вв. / Г. Б. Корнетов // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. / отв. ред. Э. Д. Днепров. — М. : Педагогика, 1989. — С. 23—27.
5. Котляр, Н. Ф. К вопросу о зарождении феодальных отношений в восточнославянском обществе / Н. Ф. Котляр // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2014. — № 1 (55). — С. 14—24.
6. Кошелева, О. Е. История педагогики как лекарство от тоски по прошлому / О. Е. Кошелева // Отечественная и зарубежная педагогика. — 2013. — № 1 (10). — С. 41—47.
7. Рыжов, А. Н. Генезис педагогических терминов в России (XI — начало XXI вв.) А. Н. Рыжов : автореф. дис. ... д.п.н. — М., 2013. — С. 20.
8. Рыжов, А. Н. Генезис педагогических понятий в России в XI—XX веках / А. Н. Рыжов. — М. : МПГУ, 2012. — С. 18.
9. Рыжов, А. Н. Из истории становления основных педагогических понятий в России (XI—XVII вв.) / А. Н. Рыжов // Вопросы образования. — 2008. — № 4. — С. 217—236.
10. Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлина, Р. Вечерки, Э. Благовой. — М. : Русский язык, 1994. — 842 с.